

В «Истории древней русской литературы» В. М. Истрин в 1922 года писал: «В конце XII века в южной Руси имело место одно событие, для того времени не представлявшее в сущности ничего выдающегося, — а именно неудачный поход некоторых южно-русских князей против половцев»¹. Взгляд на поход князя Игоря 1185 года как на незначительное событие, один из серии небольших походов против этих кочевников, и на Игоря как на второстепенного князя был характерен для дореволюционного литературоведения, хотя оснований для этого не приводилось.

Н. С. Тихонравов при издании текста «Слова» в 1866 году в параллель к нему напечатал и летописную повесть о походе Игоря из Ипатьевской летописи². Однако это начинание не привилось: позже текст «Слова» перепечатывался много раз, но без летописных повестей. И только в советское время А. С. Орлов и Н. К. Гудзий сопроводили текст «Слова» перепечаткой текстов повестей о походе Игоря 1185г.: а) по Ипатьевской летописи и б) по Лаврентьевской летописи³.

Однако, в других изданиях, например, даже в издании АН СССР 1950 г. (к 150-летию открытия «Слова») тексты летописных повестей не помещены. А А. С. Орлов, публикуя летописные повести, вместе с тем поставил перед собой задачу объяснить соотношение их текста с текстом «Слова».

¹ В. М. Истрин — История древней русской литературы. П. 1922, стр. 183.

² Слово о полку Игореве, изд. для учащихся Н. Тихонравовым. Изд. 2. М. 1868 г.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2 изд. М.-Л. 1946, стр. 165—175. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6, стр. 71—79. Обе повести, а равно выдержки из Густынской летописи и текст из «Истории» Татищева напечатал В. Н. Перетц в книге «Слово о полку Игореве». Київ. 1926.

Сопоставляя летописные повести, А. С. Орлов высказывает уверенность, что такое соотношение обеих летописных повестей нельзя объяснить без обращения к истории самих летописей, включающих в себя эти повести.

Поэтому он обращается к изучениям летописей А. А. Шахматовым, который установил зависимость обеих летописей от Переяславльской летописи, а Ипатьевской кроме того — и от Черниговской, легшей в основу Владимирского общерусского свода начала XIV в. Сам А. С. Орлов обращает внимание на то, что повести об Игоре в походе 1185 г. в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях имеют между собой и нечто общее — в рассказе о борьбе половцев у Переяславля с князем Владимиром Глебовичем. Но зато в рассказе «о несчастном походе Игоря Лаврентьевская и Ипатьевская летописи разнятся между собой»: в первой сокращены детали, о бегстве Игоря лишь упомянуто, но вместе с тем даны дополнения, подчеркивающие «нерасположение к Игоревой коалиции князей». А. С. Орлов на основании этого высказывает предположение, что **разница между обеими повестями** происходит не от того «когда повести перемещались из состава одной летописи в другую, а **на начальном этапе**» их жизни: «эти повести в объеме, сохраненном Ипатьевской летописью, вскоре были сокращены в Переяславской области с ревнивым ослаблением сочувствия Игорю и с особым подчеркиванием значения Владимира Глебовича Переяславльского»¹.

Мы согласны с предположением А. С. Орлова, что разница между повестями о походе Игоря 1185 года обозначилась уже на начальном этапе их существования, но самый процесс изменения представляется нам иным. Сопоставим вторую часть повести по Лаврентьевской летописи с рассказом Ипатьевской.

Лаврентьевская²

И побезени быша наши гневомъ божымъ, князи вси изыманы быша а боляре и вельможа и вся дружина избита, а другая изымана, и га язвена; и възвратишася с победоу великою половци...

Ипатьевская²

И тако во день святаго воскресения наведе на ны господь гневъ свой: в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю, на реце Каялы... И тогда, кончавшуюся полку, розведени

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игоре. Изд. 2. М.-Л. 1946. стр. 164.

² Эти и последующие выдержки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей приведены по книге: Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, изд. 6. М. 1955, стр. 73—79.

быша, и поиде кождо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичъ, а Святослава Олговича Елдичукъ в Вобурцевичехъ, а Володимера Копти в Улашевичих. Тогда же на польчиши Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшитъ раненъ. Отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть некакомъ получениемъ, не башеть бо лзе ни бегающимъ утечи, зане яко стенами силнами огорожении бяху полкы половецскими: ношахуть, русь съ 15 мужь утекши, а ковуемъ мнее, а прочии в море истопша.

Уже из этого отрывка Ипатьевской летописи видна точность и фактичность ее сообщений: поименованы половцы, взявшие в плен каждый отдельного князя; указано число спасшихся русских и ковуев; особо отмечена судьба Игоря; подчеркнута, что гибель отряда произошла в воскресенье и названо место (река Каяла), где имело место поражение русских. Ничего подобного в повести о походе Игоря из Лаврентьевской летописи нет. Никаких конкретных данных не сообщается, все сведения даны в общей форме, в одной коротенькой фразе, неопределенно: наши (русские) побеждены, князья пленены, бояре, вельможи и дружина — побиты, пленены и ранены.

Приводим дальнейший рассказ, подчеркивая конкретные сведения в Лаврентьевской летописи.

А о нашихъ не бысть кто и весть принесе, за наше согрешенъе. Где бо бяше въ насъ радость, ноне же въздыханъе и плачь распространися. Исаія бо пророкъ глаголетъ: «Господи! в

Святославъ же идяше в лодяхъ и яко приде к Чернигову и в ть годъ прибеже Беловолодъ Просовичъ и поведа Святославу бывшее о половецехъ; Святославъ же, то слышавъ и вельми воз-

печали помянухомъ тя», и прочая. И поиде путемъ гость, они же казаша рекуще «Поидете по свою братью, али мы идемъ по свою братью к вамъ»; княземъ же всемъ слышавше таку погыбель о братье своей и до бояръ, воспіша вси, и бысть плачь и стenanье, овемъ бо братья избита и изъимана, а другимъ отцы и ближикы.

дохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече...

И опять в повести из Лаврентьевской летописи даются или неправильные сведения или общие рассуждения и выдержки из священного писания. Ипатьевская летопись пишет об Игоревом поражении: князю Святославу под Черниговом приносит вѣсть Беловолод Просович — один из спасшихся, — и это смутило и опечалило князя. В Лаврентьевской же летописи дается иная картина: о поражении Игоря никто не принес вѣсти, кроме случайного купца. Не приходится сомневаться, что рассказ Лаврентьевской летописи неправилен, — тем более, что очень большой его объем не делает его конкретным, а, с другой стороны, в Ипатьевской летописи сообщается и имя вѣстника.

Продолжаем сравнение:

И по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь у половецъ: не оставить бо господъ праведнаго в руку грешнича, очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ...

Игорь же Святославличъ тотъ годъ бышетъ в половцехъ... Попа же бѣшетъ привелъ из Руси к собе со святою службою: не ведяшетъ бо божия промысла, но творяшетъся тамо и долго быти. Но избави и господъ за молитву хрестьянску...

И опять Ипатьевская летопись приводит подробный конкретный рассказ о пребывании Игоря у половцев в течение большого промежутка времени, описывая, как и сколько человек его сторожили, как Игорь вызвал с Руси священника: все данные конкретны. Лаврентьевская летопись описание факта дает одним предложением, сокращая длительность пребывания Игоря («по малых днехъ ускочи»), восполняя краткие сведения о побеге цитатами из священного писания — некон-

кретными общими стандартными формулами, но зато пригодными на всякий случай.

Гониша бо по немь, и не обретоша. Яко же и Саулъ гони Давида, но богъ избави и, тако и сего богъ избави из руку поганыхъ; **а они вси держими бяху твердо, и стрегоми, и подтверждаеми многими железы и казньми.**

(В Ипатьевской летописи — нет).

«Слово о полку Игореве»: А не сорокы востроскоташа: на следу Игореве ездить Гзакъ съ Кончакомъ.

Лаврентьевская летопись дает рассказ о погоне за Игорем опять одним предложением, излагая его в обобщенной форме, близкой к стилю священного писания, так что приходится сомневаться, относится это место (подчеркнутое) к рассказу об Игоре или оно является цитатой.

Наконец приводим окончание из повести о походе Игоря по Лаврентьевской летописи

Се же и сдеяся грехъ ради нашихъ, зане умножишася греси наши и неправды: богъ бо казнить рабы своя напастьями различными, огнемъ, и водою, и ратью, и иными различными казньми, хрестьянину бо многы напастьми внити в царство небесное; согрешихомъ казними есмы, яко сотворихомъ, тако и прияхомъ, но кажесть ны добре господь нашъ. Но да никто же можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ богъ; не буди то! кого тако любить, яко же ны възлюбилъ есть и страсть триять насъ ради, да ны избавитъ от неприязни?

Таким образом, заключение повести из Лаврентьевской летописи представляет собою длинное рассуждение в церковном духе на тему о зависимости несчастья от грехов людей, которых бог наказывает, чтобы их исправить и спасти.

Итак, из всей второй части Повести о походе Игоря по Лаврентьевской летописи мы узнаем, что:

- а) русские были побеждены, войско побито и взято в плен;
- б) весть о поражении была принесена только «купцом»;
- в) Игорь убежал из плена очень скоро, и
- г) за ним гнались, но его не обнаружили.

Все это рассказано неконкретно, без подробностей, без имен, без обозначения времени и места. Некоторые сообщения (весть принес случайный купец, побег произошел очень скоро) опровергаются точными и конкретными данными повести из Ипатьевской летописи.

Подобное же сопоставление сведений первой части повести из Лаврентьевской летописи с рассказом из Ипатьевской показывает, что первая дает единственный добавочный материал о битве, которого не знает вторая: «к воде не дадуче имъ ити». Остальной рассказ первой части так же неконкретен, как и вторая часть повести. Бросается в глаза, что затмение, имевшее место во время движения дружин Игоря, в Лаврентьевской летописи датировано первым мая 6694 года (т. е. 1186), тогда как в Ипатьевской летописи поход Игоря помещен под 6693 год (т. е. 1185). В Лаврентьевской летописи¹ поражение дружин Игоря объясняется похвальбой князей побить половцев, «не ведуще божия строенья», и 2) есть указание, что в первом бою русские «множество полона взяша, жены и дети».

Вопрос о точной датировке затмения, а тем самым и времени похода князя Игоря (6694 или 6693 год) изучался астрономами еще в начале XX века. Рассматривая сообщение Лаврентьевской летописи, Н. Степанов писал: «предположим, что летописец ошибся годом... надобно было поставить 6693 г... новолуние в мае 1185 г. было действительно в границах 30 апреля и 1 мая... Затмение могло быть 1 мая. Летописец ошибся в номере года»¹. Следовательно датировка похода 6693 (1185) годом показывает правильность показаний в этом отношении Ипатьевской летописи.

Все это дает основание считать, что рассказ о походе Игоря по Ипатьевской летописи был записан по живым следам — на основе сведений, полученных на юге от очевидцев или участников похода. Действительно, эта повесть свидетельствует, что князь Игорь выступил 23 апреля; что у четырех князей кроме их четырех полков (дружин) было еще два полка ковуев (под командованием Ольстина Олексича), присланных

¹ Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 2. СПб. 1908, стр. 127—128.

Ярославом, князем черниговским, сюзереном Игоря, князя Новгород-Северского; что сначала русские дружины двигались медленно, так как кони, после зимовки были тучны; что после затмения отряды Игоря, соединившись с дружинами его брата Всеволода, князя Трубчевского, идут к р. Сальнице, где их предупреждают сторожи (высланные вперед разведчики) о готовности половцев к бою; что Игорь с дружиной едут всю ночь и в пятницу в обеденное время встречаются с половцами у р. Сальницы, причем их разделяла река; что построив войска в боевой порядок, Игорь обращается к дружинам со словом, — мы остановимся здесь.

Из этого пересказа содержания Ипатьевской летописи видно, что целый ряд подробностей похода мог быть узнан только от очевидца. И не было бы удивительно, если бы эти сведения о походе Игоря стали известны летописцу (или автору повести о походе Игоря в Ипатьевской летописи, — если это разные лица) из рассказа Беловолода Просовича, участника битвы на Каяле реке, который сделал подробный доклад о ней вблизи Чернигова князю Святославу Всеволодовичу Киевскому, называя его великим князем (а «Слово о полку Игореве» называет так Всеволода Юрьевича, князя Владимиро-Суздальского, но не Святослава).

Неконкретный характер сведений повести о походе Игоря из Лаврентьевской Летописи (с отсутствием имен, обозначений времен и места), забвение подробностей, наличие неправильных сведений, противоречащих свидетельствам повести из Ипатьевской летописи и Слову о полку Игореве, заставляет считать, что первая была составлена на северо-востоке на основании устных рассказов, которые были перенесены с юга (из Киева или Чернигова) через некоторое, может быть даже продолжительное время, будучи пересказана не раз одним рассказчиком другому. Естественно, что при передаче сведений людьми незаинтересованными из уст в уста за продолжительный период времени все конкретные данные выветривались и оставались самые общие сведения, — такие, какие мы находим во второй части повести из Лаврентьевской летописи. Но забвение подробностей и образование, так сказать, «естественных пустот» требовало их заполнения, и монах, который записывал рассказ из чужих уст, заполнял их цитатами из священного писания и общими рассуждениями церковного характера. Можно полагать, что рассказ о пировании князей в течение трех дней после первого успеха в борьбе с половцами, сопровождавшийся похвалой князей («такие же себе хвалы

добудем») дойти до лукоморья и победить половцев («до конца избьемъ их»), был присочинен монахом, как результат его раздумий над поражением Игоря и естественной мысли, что победа половцев кара за греховные поступки, но какие? Самый простой ответ: за похвальбу и хвастовство. (Ср.: «в летописи и в «Слове» смерть Бориса Вячеславича... вездесде за его похвальбу»¹).

Этот анализ содержания повестей о походе Игоря 1185 года из Ипатьевской и Лаврентьевской летописей приводит к выводу, что поиски исторической основы «Слова» должны производиться на материалах повести из Ипатьевской летописи. Сведения же Лаврентьевской летописи (напр. о том, что Игорь отправился в поход от Переяславля, что поход был предпринят в результате похвальбы князей и т. п.) не могут служить историческим источником.

Но такое соотношение летописных данных по обоим летописям кладет конец обычному типу рассуждений о необходимости проверки содержания «Слова» сведениями летописей, так как «Слово», как произведение художественное, мол, изображает события на основе художественного вымысла, летописи же приводят точные данные. Анализ содержания обеих летописей показал, что как раз изложение событий в обеих летописях резко противоположно; следовательно, вообще, считать сведения летописей более правдоподобными, чем данные художественных произведений, едва ли можно (до проверки степени достоверности тех и других). Более того: в 1957 г. Л. А. Штейман выступил с кратким изложением своего исследования (на правах рукописи)², в котором он утверждает, что основное отличие «Слова о полку Игореве» от других русских средневековых памятников в том, что «в «Слове»... выступает тенденция к правдивому, непредвзятому изображению действительности»: художественный метод «Слова» таков, что в нем «события... развиваются по законам реального мира», а памятникам средневековой литературы с преобладающей религиозной окраской — и в том числе летописям — присуща подмена закона мира действительного законами мира нереального»³.

¹ Д. С. Лихачев. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», — «Слово о полку Игореве», сб. исследований АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 12.

² Л. А. Штейман. Из наблюдений над художественной системой «Слова о полку Игореве». Фрунзе, 1957 (Киргиз. научно-исслед. институт педагогики и Киргиз. гос заочный пединститут).

³ Там же, стр. 3 и 20.

Недавно Д. С. Лихачев выдвинул положение, что древняя русская литература стремилась к познанию действительности и точному ее изображению, но в то же время ставила своей задачей идеализацию героя и носила, таким образом, нормативный характер. Поэтому она сторонилась литературного вымысла и ей были чужды литературные обобщения и вымышленные герои, все же фантастическое и чудесное воспринималось как реальные факты¹. Вымысел, вымышленные имена, литературные обобщения возникают в древней русской литературе только с XVII века. Все, к чему мы пришли в характеристике «Слова о полку Игореве», находится в соответствии с этими положениями.

Что же дают для понимания событий, описываемых в «Слове о полку Игореве», сведения, о которых рассказывает повесть о походе Игоря 1185 года из Ипатьевской летописи?

Мы уже выше отметили, что последняя повесть рассказывает, как Игорь «у Ярослава испроси помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговскими»². Это сообщение ни у кого не вызывало сомнения³, а если его принять, то этим опровергается общепринятое утверждение, что Игорь Святославич, князь Новгород-Северский, отправился в поход тайком от князя Киевского Святослава Всеволодовича. Флоринский в учебнике русской литературы пишет, что «Игорь неожиданно для Святослава... выступил против половцев»⁴. В «Истории древней русской литературы» Н. К. Гудзия тоже сообщалось: «Игорь отправился на половцев со своими союзниками без сговора с Киевским князем Святославом»⁵. «Не уведомив своего феодального главу Святослава Всеволодовича... Игорь Святославович Новгород-Северский, сын его... племянник... выступил и в далекий степной поход» — повествует Д. С. Лихачев⁶.

Эти указания по меньшей мере неточны. Князь Игорь отправился против половцев, уведомив о своем предприятии своего феодального главу — черниговского князя Ярослава Всеволодовича, брата Святослава Киевского. В исследовании

¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. АН СССР. М.-Л. 1958, стр. 120.

² Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М. 1955. Изд. 6, стр. 71.

³ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 50.

⁴ С. М. Флоринский. Рус. литература. Учебн. для 8 кл. 1954, стр. 18.

⁵ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. 1956, стр. 123.

⁶ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве, стр. 50.

А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства» Новгород-Северский назван вторым городом Черниговской «волости» (княжества), а разделение Русской земли на три княжества — Киевское, Черниговское и Переяславское — было установлено еще после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.)¹, и решением Любечского «снама» (1097 г.) «совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя: было официально признано съездом: «кождо да держит отчину свою»². Но и с военной точки зрения принцип единоначалия всегда требовал подчинения младшего начальника (рядового князя, в данном случае) следующему старшему, запрещая сноситься через голову ближайшего старшего начальника. В соответствии с этими военными установлениями князь Игорь доносит о своем намерении феодальному главе — Ярославу, князю Черниговскому³, и от него получает военную помощь в виде двух полков козубов. Сговариваться с киевским князем Игорь не имел права. Да если бы он захотел сговариваться, то должен был бы обратиться к великому князю — Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому.

Что руководило Игорем в организации его предприятия против половцев? Д. С. Лихачев дает следующий ответ: «Игорь Святославич — сын эпохи. Это «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины»⁴. В учебнике для средней школы действия Игоря расцениваются так: «Князь Игорь пренебрег общегосударственными интересами...», — следовательно он действовал в личных целях?

Но против такой мотивировки действий князя Игоря возражает он сам. В той же повести об его походе из Ипатьевской летописи, Игорь, когда ему предлагали бежать из плена, ответил: «**Аз славы делея не бежах тогда от дружины и ныне не славным путем не имам пойти**» (т. е.: «**Я ради славы не бежал тогда от дружины и не хочу и сейчас идти путем бесславия**»). Ответ дается Игорем принципиальный, и касается он не только данного эпизода, когда Игорь находился в половецком пле-

¹ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусских государств. М. 1951, стр. 57.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, М. 1953, стр. 560.

³ По возвращении Игорь едет в Чернигов: Н. К. Гудзий. Хрестоматия, стр. 78.

⁴ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 116.

ну, но всего его поведения: он славы не ищет, действовать бесславно не хочет. Чтобы понять сущность ответа Игоря, необходимо обратиться к анализу того случая, о котором он упоминает.

После первого удачного столкновения с половцами на р. Сальнице молодые князья Владимир и Святослав в пятницу вечером заявили, что кони их устали и они ночью ехать не могут; русские дружины заночевали. «Светаючи же суботе, начаша выступати полци половецкии, акъ борове (т. е. сосновые леса — А. П.); изумешася князи рускии, кому их которому поехать, бысть бо ихъ бесчисленное множество. И рече Игорь: «Се ведаюче собрахомъ на ся землю всю». И тако угадавше вси, соседоша с коний хотяхуть бо быющеся дойти реки Донця; молвахуть бо: «Оже побегнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ бога ны будетъ грехъ сихъ выдавше пойдемъ, но или умремъ, или живы будемъ вси на единомъ месте». И та рекши, вси соседоша с коней и поидоша быючеся...¹

Д. С. Лихачев так комментирует этот эпизод: «речь Игоря перед битвой напоминает речи Мономаха своей заботой о черных людях... Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе»².

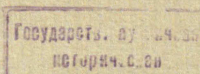
Небольшая дружина Игоря (6—8 тысяч человек — 6 полков)³ оказалась окруженной бесчисленным половецкими войском. Его состав был, очевидно, несколько десятков тысяч человек (30—40 тысяч?), т. е. налицо было громадное численное превосходство. Совместное командование половецкими войсками Кончаком и Гзой (Кзы, Гзака) говорит, что фактически выступали две половецких орды. В этих условиях, если бы на месте Игоря был кто-нибудь другой, заботящийся о своей славе, то события могли бы развернуться иначе.

Если громадное половецкое войско остановилось на известном расстоянии от дружин Игоря, то едва ли могло получиться сплошное окружение. Конные войска Игоря, бросив черных людей (т. е. пешие войска из смердов и горожан-ремесленников), могли бы прорваться сквозь половецкое окружение; будь эта задача достигнута — правда, при условии ги-

¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6. М. 1955, стр. 72—73.

² Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 52.

³ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М. 1956, стр. 26—27.

Бели части конных, — то остальная их часть спаслась бы и личная слава князя Игоря не пострадала бы.

Но Игорь этой мысли не допускал. Именно он заставил привилегированную часть своих войск — конницу — спешиться и сражаться вместе с черными людьми в пешем строю. Основой для такого решения было сознание, по словам летописца (очевидно, монаха): если убежим, оставив черных людей, то «от бога ны будет грехъ», а в действительности — демократизм Игоря, его равновеликая оценка и смердов и боярских детей; это тот Игорь, который привлек симпатии автора «Слова», чье демократическое мирозерцание так интересно вскрыто Д. С. Лихачевым. Именно, только князь Игорь смог отдать приказ, лишавший конную дружину ее преимуществ и обрекавший ее фактически на смерть в условиях громадного численного превосходства неприятеля. Моральный авторитет Игоря был так велик, что этот его приказ был выполнен и его войско подверглось почти полному уничтожению. Князь Игорь не думал о личной славе и не хотел для себя никаких преимуществ, как это мы знаем из «Слова» (из описания эпизода с разделом военной добычи, когда он взял только боевые знаки врагов) ¹.

Из изучения этих эпизодов вытекает, что представление об Игоре, как князе, заботящемся о личной славе, ошибочно. Если бы так было, то автор «Слова» не выделили бы его из блестящего созвездия князей конца XII века — таких как Всеволод Юрьевич Большое гнездо, Ярослав Осмомысл, Рюрик Ростиславич (буй Рюрик), Роман Волынский. Тогда бы в полной силе могла остаться та трактовка похода 1185 года, какую дал ей В. М. Истрин (ее мы привели в начале этой статьи).

Такое наше понимание роли и поступков князя Игоря в походе 1185 года еще резче ставит вопрос: что же действительно произошло в 1185 году и почему это предприятие князя Игоря привлекло к себе усиленное внимание летописей?

Обычная трактовка событий, имевших место в пятницу, субботу и воскресенье в начале мая 1185 года и кончившихся разгромом войск Игоря, такова: «деловито рассказано об этом первом сражении... еще точнее и подробно описано второе сражение, начавшееся на рассвете в субботу» — так мы читаем в учебнике для педучилищ А. Зерчанинова и Н. Г. Порфиридо-

¹ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 64.

ва¹. «Не через три дня, а на следующий же день после первой победы над половцами..., половецкие полки «акъ борове» (подобно лесу) стали наступать на русских» пишет Д. С. Лихачев². Но в Радзивилловской летописи события, разыгравшиеся в пятницу (первая встреча с половцами), изображаются так: «и побежени бывше половци. И биша я до веж. И множество полона взяша и жен и детей»³.

Изучение этого вопроса показывает, что такая трактовка событий восходит к рассказу о походе Игоря из Лаврентьевской летописи, — в частности Радзивилловская летопись здесь повторяет слова Лаврентьевской летописи. Последняя говорит далее о трехдневном пированье князей на месте битвы и их хвастовстве разбить половцев, потому что, говорят князья, «самехъ избили, а жены ихъ полонены и дети у насъ»⁴. Д. С. Лихачев, пересказав этот эпизод, пишет: «Ипатьевская летопись рассказывает события, случившиеся после первой победы иначе. Не через три дня, а на следующий же день после первой победы... половецкие полки... стали наступать на русских»⁵. Итак: Д. С. Лихачев не отказывается трактовать результат военных действий Игоря, как победу (как в Лаврентьевской летописи), хотя он не верит в подробности этой победы — трехдневное пированье и хвастовство князей.

Но начав сомневаться в сообщениях Лаврентьевской летописи, мы должны поставить под вопрос и ее сообщение о значительном сражении. Ипатьевская летопись изображает события по иному. Когда дружины Игоря сошлись на р. Сальнице с половцами, то из половецких полков выехали стрельцы (из луков), и, пустивши по одной стреле, бросились бежать; побежали за ними и половецкие полки, из которых вышли стрельцы. Половцев стали преследовать молодые князья и черниговские ковуи, — однако Игорь с братом Всеволодом, очевидно, разгадав хитрость половцев, — шли медленно, сохраняя боевой порядок своих полков. Половцы в побеге миновали линию веж, а русские, достигнув веж, «ополонишася, друзии же ночи приеха-

¹ А. А. Зерчанинов и Н. Г. Порфиридов. Русская литература. 1951, стр. 39—40.

² Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1956, стр. 51.

³ Вкладка в книгу «Слово о полку Игореве». АН СССР. М.-Л. 1950, между 16 и 17 стр. Лавр. летопись иначе: множество полона взяша, жены и дети.

⁴ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. Изд. 6. М. 1955, стр. 78.

⁵ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 51.

ша к полкомъ с полономъ»¹. Отсюда выясняется весь ход событий: происходило преследование убегающих половцев и захват русскими веж с женами и детьми, а равно богатым имуществом. И Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» — говорят обо всем этом происшествии очень неопределенно и уклончиво; так в «Слове» читается: «с зараня в пятькъ потопташа поганяя плъкы половецкыя и, рассушась стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя»². Д. С. Лихачев истолковывает соответствующее место из «Слова»: «Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Автор «Слова» в описании этой первой стычки (да, согласны: стычки, а не сражения — А. П.) употребляет обычный термин этой поры «потопташа», что означает «разбили боевой порядок неприятелей»³. Сопоставление соответствующих мест «Слова» и Ипатьевской летописи не позволяет согласиться с таким пониманием слова «потопташа»: половецкие полки бежали или, вернее, имитировали бегство и, таким образом, боевой порядок не мог сохраняться а, следовательно, и русские не могли разбивать боевого порядка половцев. Отсюда «потопташа» скорее значит «поражали».

Картина, рисуемая Ипатьевской летописью, дает типичный прием заманивания русских половцами, попытки последних сковать действия дружин Игоря, чтобы последние никуда не ушли, а остались на месте — до подхода главных половецких сил⁴. Подобный же маневр был применен против русских половцами в 1215 году и привел к разгрому русских⁵. Чтобы еще вернее воздействовать на русских в нужном направлении, половцы расположили свои вежи (кибитки) с женами и детьми и богатым имуществом, перечисляемым в «Слове» («злато, и паволоки, и драгыя оксамиты», узорочья). Этот маневр половцам удался полностью: и русские и ковуи не стали дальше преследовать половцев, а занялись грабежом веж, захватывая не только жен и детей (Лаврентьевская летопись), но и «красная дѣвки половецкыя» («Слово о полку Игореве»). Игорь разгадал значение этой ловушки — маневра половцев и, польстив

¹ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе, изд. 6, 1955, стр. 72.

² Там же, стр. 61.

³ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 64.

⁴ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова», 1956, стр. 44.

⁵ Р. Г. Ляскоронский. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. Журн. Министерства народного просвещения. 1907. № 4, стр. 288—289.

вернувшимся из погони войскам («се богъ силою своею возложилъ на врагы наша победу, а на насъ честь и слава»), пригласал немедленно ехать «черезъ ночь», так как «се же видихом полки половецкыи, оже мнози суть, ту же, **ци вся си суть совокупили**» (т. е. вот мы видели полки половецкие, которых много, там чуть ли не все они собрались). Но молодые князья, упоенные будто бы одержанной победой¹ и захваченной добычей, отказались ехать, не умея предвидеть, — в результате этого в последующей битве русские были разгромлены.

Итак, ни первого сражения, ни победы над половцами фактически не было. Легенда о них была создана монахом, автором повести о походе Игоря из Лаврентьевской летописи. И она изображает дело так, будто бы остатки разбитых в первом сражении половцев бежали, послав весть о «своей погибели», и вот в течение трех дней «слышавшие поидоша къ нимъ» и этих слышавших собралось целое громадное войско, которое разгромило дружины Игоря. Как так быстро могло быть собрано это громадное войско из половцев, живущих кочевым бытом, и, следовательно, малыми группами на больших расстояниях, Лаврентьевская летопись не объясняет, а это доказывает, что автор рассказа о походе Игоря из последней, многого не понимал и пытался доосмысливать непонятное, но неудачно и неправдоподобно.

Следующий вопрос, который встает перед нами, это — откуда взялись такие громадные войска половцев, которые разгромили отряды Игоря?

Обычно предполагается, что половцы были предупреждены о предприятии князя Игоря. Куда будет поход — могло выясниться из движения его войска, что стало известно только 23-го апреля 1185 года с выступлением дружин Игоря из Новгорода-Северского. Предположим, что гонец, везший сообщение половцам о выступлении Игоря с дружинами, выехал в тот же день, не потеряв ни одного дня. Тогда в тот срок, в который дружины Игоря дошли до места первой стычки на р. Сальнице, должно было: а) гонцу — доехать до ставки половецких ханов, б) ханам — разослать своих гонцов во все места половецких кочевий с призывом приезжать в место сбора войска, в) половцам — собраться в дорогу на войну и с запасами провизии и корма для лошадей прибыть в место сбора, и г) собранному половецкому войску пройти расстояние от места сбора до места битвы, которое раньше не было известно половцам. Между тем,

¹ Хороша была эта победа, где пленными были женщины и дети, а не войны!

когда Игорь с войском дошел до р. Сальницы, он узнал (судя по словам Ипатьевской летописи), что половцы предупредили его: «сторожеви» (передовые или разведчики) сообщают ему: «видихомся с ратными, ратницы ваши со доспехомъ (вооруженные. — А. П.) ездять», — другими словами половцы готовы к бою. Этот факт и в нормальных условиях невероятен. Между тем сборы половецкого войска проходили в много более трудных условиях. В. Г. Федоров писал в 1951 году: «поход был предпринят в самое трудное для движения время — время таяния снегов и весеннего разлива рек — при плохом насте для коней и людей. Мономах выступил в поход 26 февраля, Игорь — на два месяца позднее — 23 апреля»¹. Изучение военных действий половцев против Киевской Руси за все время их жизни по соседству с русскими свидетельствует, что разливы рек имели громадное значение, и фактически походы русских против половцев и половцев против русских на это время прекращались. Самым поздним походом русских против половцев был поход 1111 года, когда русские под командованием Владимира Мономаха, Святополка Изяславича Киевского и других князей выступили 26 февраля, — очень ранней весной.

Чтобы представить себе картину разлива рек на юге, нарисуем ее по нашим личным воспоминаниям, относящимся ко времени 1905—1910 годов. У города Новочеркасска, расположенного на небольшой горе, которая возвышается над степью на расстоянии 25 км от низовьев Дона, в начале XX в. почти каждый год весной между серединой апреля и серединой мая (по старому стилю, т. е. как раз во время похода князя Игоря) имел место разлив Дона: при взгляде с горы вокруг вся степь до горизонта была залита водой, так как Дон разливался на 25 км в одну сторону и не менее чем на такое же расстояние в другую. Глубина разлива была такова, что в некоторые годы в Новочеркасске по разливу приходили пароходы из Ростова на Дону. Таким образом эти бурные разливы рек затрудняли, а иногда делали невозможным сообщение между соседними местностями. В этих условиях понятна приостановка весной нападений половцев на русских. Но это так же доказывает, что во время разлива рек половцам в такой короткий срок собрать большое войско было нельзя. Другими словами, половецкое войско, с которым пришлось столкнуться дружинам Игоря, должно было собираться значительно ранее его выступления из

¹ В. Г. Федоров. Военные вопросы. «Слова о полку Игореве». Изд. Академии артиллерийских наук, М., 1951, стр. 51.

Новгорода-Северского и, следовательно, поход половцев не имел отношения к предприятию князя Игоря и его родичей. Что это так, доказывается и численностью половецкого войска: если бы оно выступало против дружин князя Игоря, то не было бы нужды собирать такое громадное войско, а достаточно было бы, чтобы численность его равнялась войску Игоря или бы превосходила его в полтора, максимум в два раза. Но зачем было бросать против небольших Игоревых дружин громадное по тем временам войско половцев — остается необъяснимым, если не притти к заключению, что оно ставило перед собой другие задачи и по своему замыслу поход половцев преследовал какие-то другие цели, не имея непосредственного касательства к выступлению Игоря в 1185 году.

К такому же выводу пришел и М. Д. Приселков в 1938 году (исходя совсем из других соображений) в статье о «Слове» как историческом источнике: «Удар, грозивший Святославу, пришлось принять на свои плечи Игорю» и «этими огромными силами, собранными не в три дня», были окружены полки Игоря»¹.

Из сказанного выше следует еще один вывод. Обычно считается, что «планы северских князей простирались очень далеко: они надеялись, видимо, отвоевать у половцев утраченную Тмутаракань», — пишет Н. К. Гудзий². «Ему (т. е. князю Игорю — А. П.) хотелось... загнать половцев вглубь степей и освободить русское Тмутараканское княжество на Северном Кавказе», — сообщается в учебнике литературы для I курса педагогических училищ³. Такие же цели приписывает Игорю и Д. С. Лихачев: «Окрыленный предшествующими победами Святослава, он (т. е. князь Игорь, — А. П.) ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмутаракань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу («Гориславичу»); он решает-ся дойти до берегов Черного моря, почти сто лет закрытого уже для Руси половцами»⁴. Для обоснования такой цели обычно указывается, что «богатыри в «Слове о полку Игореве»... говорят о том, что два сокола (т. е. Игорь и Всеволод) слетели с отцовского золотого стола, чтобы поискать города Тмутараканя

¹ М. Д. Приселков. Слово о полку Игореве как исторический источник. — Историк-марксист. 1938. № 6. Стр. 120 и 129.

² Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6. М. 1956, стр. 123.

³ А. А. Зерцанников и Н. Г. Порфиридов. Русская литература. М. 1951, стр. 39.

⁴ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 49.

или испить шеломом из Дона»¹. Приписывать такую задачу князю Игорю ошибочно, — сам Игорь по «Слову о полку Игореве» говорит войскам: «Позрим синего Дону»; иначе он не мог говорить, потому что Игорь знал: в мае Дон разливается на 50 километров и перебраться через него во время разлива (да и значительное время после него) с отрядом в 6—8 тысяч человек было невозможно. Бояре князя Святослава Киевского **наговаривают** на князя Игоря, но без достаточных оснований. Полагаем, эти наговоры объясняются тем, что подобные замыслы могли быть у Ярослава, князя Черниговского, и брат его, киевский князь Святослав, мог знать о них и ревниво относиться к ним, но князь Игорь едва-ли имел отношение к таким замыслам: автор «Слова» вложил эти слова в уста бояр, чтобы подчеркнуть особый характер отношений к князю Игорю в Киеве.

Вызывает возражение еще одна вещь — представление о характере предприятия князя Игоря; исследователи считают его походом, — так Н. К. Гудзий² пишет «о неудаче Игоревых походов», С. М. Флоринский — так же³; о походе говорится в учебнике А. А. Кайева⁴, походом называет выступление Игоря Д. С. Лихачев в своей книге 1955 года, а равно в 1958 г. в томе I История русской литературы в трех томах, изд. АН СССР⁵.

Между тем генерал-лейтенант В. Г. Федоров, первый изучавший «Слово» с военных точек зрения, еще в 1951 году обратил внимание на то, что «поход Игоря в 1185 году преимущественно был набегом... рассчитанным на внезапность и на отсутствие больших половецких сил, которые могли быть собраны против его дружин»⁶. В своем труде в 1956 г. В. Г. Федоров говорит опять: «Поход или, вернее, набег Игоря с сравнительно небольшими силами не являлся крупным военным событием»⁷. Такое определение характера предприятия Игоря вносит новое понимание в этот вопрос. Для набег характерным является: а) быстрота, б) небольшой состав участников и

¹ Н. К. Гудзий. История древней литературы. 6 изд. М. 1956, стр. 128.

² Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. 6 изд. М. 1956, стр. 122.

³ С. М. Флоринский. Русская литература. Учебник, стр. 18.

⁴ А. А. Кайев. Русская литература. 3-е изд. М. 1958, стр. 303.

⁵ История русской литературы в 3-х томах АН СССР. Т. I. М., 1958, стр. 114—115.

⁶ В. Г. Федоров. Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М. 1951, стр. 41.

⁷ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве», М. 1956, стр. 7.

в) оригинальный замысел. Все это имелось в предприятии Игоря: он выступал с небольшим отрядом, передвигался достаточно скоро и замысел его был любопытен — нанести удар половцами тогда, когда они по весеннему времени, в период разлива рек, меньше всего могли ожидать нападения русских. Да и набег не требовал такой подготовки как поход. Таким образом и упреки Игорю в неподготовленности к походу оказываются несостоятельными.

Если поход половецких орд под командованием Кончака и Гзы был вызван не выступлением Игоря, как это утверждает М. Д. Приселков, то встает вопрос, что было его причиной. Ответ на него нужно искать в изучении предыстории событий 1185 года.

А. С. Орлов в своей книге рассматривает историю столкновения русских с половцами за время более ста лет — с первого их появления на границах Руси. Мы коснемся событий последних лет перед набегом Игоря¹. В феврале 1183 года половцы во главе с Кончаком пришли воевать на Русь к Дмитрову, но по совету Ярослава Черниговского князь Святослав киевский и Рюрик Ростиславич отсрочили свой поход до лета, поручив тогда вести войска Игорю и Владимиру Глебовичу, князю Переславльскому; последние перессорились, Игорь увел киевские войска. В том же 1183 году Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич с другими князьями летом идут на половцев и **30 июля одерживают победу над ними, взяв в плен хана Кобыка и других князей. В это время князь Игорь с родственниками решили напасть на поселения половцев: разбив на реке Мерль отряд половцев, князья вернулись.**

В 1184 году хан Кончак со множеством половцев пошел на Русь, имея в войсках мужа, стрелявшего живым огнем, и предложил Ярославу Черниговскому заключить мир. Но «Святослав... в соединении с Рюриком пошел на половцев... Встречный «гость»... указал русским передовым... где стояли Кончаковы полки... Кончак бежал... Погоня за Кончаком из-за мартовской ростепели не удалась... Игорь хотел догнать Святославовы полки, но дружина указывала на отсутствие достаточного времени... Ехать же степью... тоже нельзя было из-за нетвердого наста»². Весною того же 1185 года Святослав послал отряд берендичей, которые напали 21 апреля на вежи и взяли «полон» и коней.

¹ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». Изд. 2. АН СССР. М.-Л. 1946, стр. 158—160.

² А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.-Л. 1946, стр. 160.

А. С. Орлов не указал, что этот рассказ основан на данных Ипатьевской летописи. Не отмечено также, что Кончак был разбит в битве.

Н. К. Гудзий в «Истории древней русской литературы» указывает, что Игорь дважды победил степняков, а в феврале 1185 г. собирался помочь киевскому князю Святославу, но помешала гололедица. Неудача Игоря подорвала значение той победы над половцами, «за год до этого одержанной коалицией русских во главе со Святославом... Судя по Ипатьевской летописи Святослав в союзе с другими князьями вскоре одержал еще две крупных победы над половцами»¹. К сожалению из этих фраз нельзя установить, когда происходили битвы с половцами (за год — т. е. 1184 году) и сколько их было (три или две).

Д. С. Лихачев излагает события последних лет несколько иначе. «В 1183 году объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Было взято 700 пленников... отбиты русские пленники, попал в плен сам хан Кобяк Карлыевич. В этом походе Игорь не участвовал. Он ходил самостоятельно и разбил половецкого хана Обовла Костуковича. В 1184 году Святослав с русскими князьями вновь разбивает половцев. Захвачен был в плен «басурманин», стрелявший живым огнем. Половцы были устрашены... Однако Игорь Святославич не мог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подождать вовремя... В следующем 1185 году Игорь, очертя голову, «не сдержав юности» бросается в поход против половцев»².

Отсюда видно, что Д. С. Лихачев датирует первую победу над половцами с пленением хана Кобяка — 1183 годом, вторую (под чьим командованием были половцы — этот вопрос обходится) — 1184 г., а поход Игоря — 1185 г.

Из этих трех различных трактовок событий 1183—1185 гг. (по Н. К. Гудзию — 1184—1185 гг.) можно понять, что, очевидно, в рассказе летописи были какие-то неувязки, заставившие ученых каждого по-разному датировать боевые столкновения русских и половцев.

В Ипатьевской летописи эти события излагаются не так.

В «лето 6691» под 30 июля рассказывается о победе Свято-

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6-е. Москва, 1956, стр. 124.

² Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. АН СССР. М.-Л. 1955, стр. 48.

слава Всеволодовича с князьями и пленении хана Кобяка. О пленении 7 тыс. половцев с 400 князьями сообщается и в Лаврентьевской летописи под 31 июля. В «лето 6692» говорится о приходе на Русь Кончака с множеством половцев и с мужем, который стрелял живым огнем, — к р. Хоролу; как продолжение, летопись сообщает, что в «6693 лето», месяца марта в 1 день бог дал победу русским — Святославу Всеволодовичу и Юрику Ростиславичу с другими князьями: Кончак бежал, и в погоню за ним был послан Кунтугдый с 6 тыс. воинов, но Кончака все-таки не догнали. Затем мы читаем, что Ярослав Черниговский сам не отправился на половцев, послав Ольстина Олексича с войском, Игорь же хотел поехать и сделал попытку отправиться, но «блшеть серен велик» и дружина «не може пути себе налезти ехати по Святославе». Далее летопись добавляет, что в ту же весну Святослав Киевский «посла Романа Недзиловича с берендичи на поганее половце» и этот отряд 21 апреля (на пасху) захватил половецкие вежи, много пленных и коней. Тогда же князь Святослав отправился к Карачеву «орудей дела своих» и почти одновременно 23 апреля, во вторник князь Игорь выступил из Новгорода-Северского на половцев¹. Этот рассказ Ипатьевской летописи дает ответ на многие вопросы и недоумения, которые у нас возникли ранее при чтении сообщений А. С. Орлова, Н. К. Гудзия и Д. С. Лихачева о предыстории похода Игоря.

Полагаем, что этот рассказ Ипатьевской летописи не был понят правильно вследствие неточного перевода годов при счете от сотворения мира на современное летоисчисление, — точнее из-за забвения того факта, что в Киевской Руси год кончался февралем² и начинался с 1 марта. Тогда между приходом Кончака с половцами в феврале 6692 года (в феврале, — ибо князь Игорь не смог выехать на помощь Святославу Киевскому из-за гололедицы) и победой русских над Кончаком 1 марта 6693 года никакого значительного промежутка времени не будет, ибо и февраль 6692 г. и март 6693 г. входят по нашему летоисчислению в один 1185 год. Но тогда окажется, что сообщение Д. С. Лихачева о поражении половцев в 1184 г. оказывается ошибочным, ибо Кончак с половцами приходил не в феврале 1184 г. (т. е. 6691 г.), а в феврале 1185 г. (6692 г.). Поэтому и вся последовательность событий окажется иной:

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 1843, стр. 129.

² В високосном году лишний день прибавляется в конце года — именно 29 февраля.

Святослав и Рюрик разбили половцев два раза — в июле 1183 г., а затем 1 марта 1185 г., причем Святослав 1) выезжает тогда же весной же в Карачев в целях привлечения новых союзников для дальнейшей борьбы с половцами летом того же года и 2) посылает тогда же Романа Недзиловича с берендичами к половцам — с разведывательными целями, озабоченный подготовкой этого похода.

Таковы события, предшествовавшие походу Игоря, если смотреть на них глазами русских. Как же эти события выглядят, если посмотреть на них со стороны половцев? Сведений до нас об этом не дошло, почему мы должны ограничиться построением гипотезы. Исходный факт — разгром половцев, прошедших на Русь с ханом Кончаком, 1 марта 1185 г. и бегство Кончака. Естественно предположить, что по возвращении Кончак хотел отомстить русским и поднять против них других ханов с их ордами, но получил от них отказ, так как выступать в марте накануне разлива было невыгодно. Когда же половцы узнали о выступлении Романа Недзиловича с берендичами, то ханы поняли, что посылка этого отряда князем Святославом преследует разведывательные цели — как подготовка к большому летнему походу, — и решились предпринять превентивную войну, чтобы предупредить летний поход русских выступлением против них большого половецкого войска весной, во время разлива рек, когда русские не могли ожидать нападения половцев. Вероятно, выступление половцев произошло в середине апреля. И вот громадное половецкое войско, в несколько десятков тысяч человек, в составе по крайней мере двух орд (под предводительством хана Кончака и Гзы), выступает, очевидно, против Киева, поскольку разгром 1 марта был осуществлен князьями Святославом Всеволодовичем Киевским и Рюриком Ростиславичем. Направление удара, наносимого половцами видно из дальнейшего разговора Кончака и Гзы: «молвяшетъ бо Кончакъ: пойдемъ на Киевскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ: а Кза молвяшетъ: пойдемъ на Семь (побережье реки Сейма—А. П.), где ся остави жены и дети, готов намъ полонъ собранъ, емлемъ же города безъ опасы». Предложение Гзы идти на Новгород-Северское княжество — возникло в результате разгрома войск Игоря; следовательно, основным направлением был поход на Киев.

Уже когда поход половцев развернулся, они получили известие о выступлении в набег из Новгорода-Северского князя Игоря с небольшим войском. Задачей половцев после этого

оказывается уничтожение дружин Игоря (что было для них легко), обеспечив встречу обоих войск, ибо в бескрайней половецкой степи противникам было легко разойтись. Таким образом половцы начинают поиски отрядов Игоря и передовым половецким войскам поручается задача сковать действия русских дружин, не дав им уйти. Этим объясняется то сообщение, которое князь Игорь получил накануне битвы от сторожи (разведчиков) и которое приводится в повести из Ипатьевской летописи: «видихомся с ратными, ратници ваши со доспехомъ ездять», — другими словами — половцы готовы к бою. Этим же объясняется и то, что при встрече русских на р. Сальнице с половцами, последние пустили по одной стреле и бросились наутек, заманивая русских. Здесь все обдуманно: во время побега половцы минуют вежи (кибитки) с женами, детьми и имуществом, будучи уверены, что русские, достигнув веж, прекратят преследование и займутся захватом имущества, почему они потеряют подвижность и боеспособность. Половцы мало чем рисковали, ибо последующая битва — в условиях громадного численного превосходства сулила им победу — а, следовательно, и возврат захваченного русскими имущества. Правда, русские дружины дорого продали свою жизнь, и половцы, очевидно, понесли большие потери. Но войска Игоря не прошли к половецким кочевьям и не могли нанести им удара в отсутствие половцев, направившихся в поход.

После ухода орды Кзы в направлении Посемья количество половецких войск, идущих в поход против Киева, сократилось приблизительно на половину и тот удар, который был задуман половцами, не смог быть нанесен, тем более, что потери половцев в сражении с дружинами Игоря были немалыми. Поэтому обвинение Игоря, что он «открыл дорогу половцам на Русь» едва ли действительно.

События весны 1185 года надо рассматривать, как две самостоятельные акции: 1) выступление половцев — после их разгрома коалицией русских князей первого марта — в порядке превентивной войны против Киева, — в связи с подготовкой Святославом Всеволодовичем похода против половцев летом 1185 года и 2) набег Игоря с его родичами на половецкие кочевья.

При одновременности этих операций они, в представлении современников игорева похода, соединились вместе, и нападение половцев на Русь по формуле «post hoc ergo propter hoc» стало толковаться в летописях как, вызванное походом

(набегом) Игоря: он стал ответчиком, тем более что здесь были и его ошибки.

В свете такого развития событий их трагизм, мы полагаем, можно видеть в том, что благодаря роковой случайности, набег князя Игоря на половцев, задуманный оригинально, во время разлива рек, весной — когда военные действия между половцами и русскими обычно прекращались, — разбился о встречный поход половцев против Киева, тоже предпринятый в разгар весны — во время разлива рек. И автор «Слова о полку Игореве» и другие современники похода знали, вероятно, какой ход приняли события и чем вызвано поражение дружин князя Игоря. Следовательно, это был не обычный рядовой поход на половцев, а особенный, не похожий на другие, закончившийся трагической развязкой. Поэтому об этом походе (набеге) упоминается почти во всех летописях, — впрочем чаще всего кратко — в трех строках, формулой, заимствованной из Лаврентьевской летописи.

Князь Игорь стяжал себе славу счастливого победителя половцев, — пишет Н. К. Гудзий¹. Однако ученые почему-то мало обращали внимания на характер военных выступлений князя Игоря. Обращаясь к событиям 1174 года, А. С. Орлов сообщал только: «в 1174 году Игорь Святославич отогнал от Переяславля половцев, шедших с Кобяком и Кончаком»².

В. Г. Ляскоронский так описывает события 1174 года, на основе материалов Ипатьевской летописи. В этом году половцы напали на Поросье (Рось — приток Днепра с правой стороны, ближайший к степной границе) и северо-восточную переяславльскую границу. Тогда выступает против них князь Игорь. Захватив «языка» он узнал, что половцы пошли к Переяславлю, занял переправу через Воркслу у Лтавы (Полтавы): ему были известны степные пути половцев. Когда подошли половцы, возвращавшиеся с богатым русским полоном, Игорь с небольшим войском неожиданно напал на них, и отобрал весь полон³. Таким образом благодаря удачному стратегическому маневру — скрытому расположению своих войск у переправ через реку — Игорь свел на нет результат набег половцев. В этом выступлении Игоря бросается в глаза самостоятельность его действий, орудование с небольшим вой-

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6. М. 1956, стр. 123.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2. М.-Л. 1946, стр. 156.

³ В. Г. Ляскоронский. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. ЖМНП. 1907, № 3, стр. 37.

ском и оригинальность замысла его нападения. В 1183 г., когда Святослав Всеволодович с коалицией князей сражался с половцами и взял в плен хана Кобыяка, Игорь Святославич не принимал участия в общем походе, а собрав своих родичей (князей Всеволода, Святослава и Владимира — тех же, что после участвовали в походе 1185 г.) предложил им, пока половцы были заняты борьбой со старшими князьями, напасть в отсутствие половцев на их поселения («мы без них кушаем на вежи их ударить»). Разбив за рекой Мерлем небольшой отряд половцев, шедших воевать на Русь, они удовлетворились этим и вернулись¹. Цель, поставленная в 1183 г. перед собой Игорем, близка к той задаче, которую он пытался разрешить позже — в 1185 г. Во всяком случае, Игорь и здесь обнаруживает опять самостоятельное стратегическое мышление и стремление наносить удары половцам с небольшим войском. Можно предположить, что князь Игорь выделялся среди других князей, тем более, что он не ставил перед собой как мы видели, эгоистических задач об увеличении своего удела, а думал обо всей русской земле.

* * *

Изучение повестей о походе Игоря в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях приводит к выводу о невозможности использовать повесть из Лаврентьевской летописи в качестве исторического источника и, напротив, свидетельствует о большой ценности повести из Ипатьевской летописи, основанной, по видимому, на рассказах участников или людей, слышавших от последних сообщения о событиях апреля—мая 1185 г. Сопоставление материалов Ипатьевской летописи и «Слова о полку Игореве» привело нас к ряду заключений, которые меняют исходные позиции в изучении «Слова».

1. Поход половцев против Киева, после победы 1 марта 1185 г. Святослава Всеволодовича Киевского с коалицией князей, не был вызван выступлением Игоря, а носил самостоятельный характер.

2. Представление о первой битве и первой победе дружин Игоря над половцами явилось в результате сообщений Лаврентьевской летописи, фактически же здесь имело место не битва, а стычка вследствие заманивания половцами русских войск, чтобы сковать действия последних и выиграть время для подхода громадного половецкого войска, находившегося поблизости.

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2 изд. М.-Л. 1946, стр. 159.

Князь Игорь не заботился о своей славе, не ставил задачи похода на Тмутаракань, согласовал свой набег со своим сюзереном князем Ярославом Черниговским, приславшим ему два полка ковуев, организовал набег по оригинальному замыслу (выступления во время разливов рек, когда обычно нападения русских и половцев прекращались), думал о черных людях (смердах и городских ремесленниках), участниках набега, — что говорит об его демократизме. Таким образом, князь Игорь оказывается положительным героем, — и именно такая личность и могла привлечь автора «Слова», чтобы быть поставленной в центре этого замечательного произведения.

4. Выдвижение в качестве героя «Слова» князя Игоря еще усиливает впечатление от рокового исхода этого предприятия Новгород-Северских князей, и тем самым еще сильнее подчеркивает основную причину неудач Киевской Руси в борьбе с половцами — княжеские междоусобицы, которые обессиливали Русь и создавали удобные условия для нападений на нее половцев.

5. Трагизм предприятия князя Игоря 1185 г. состоял в том, что вместо удачного набега на половцев он натолкнулся на громадное половецкое войско, которое ставило перед собой аналогичные цели, — т. е. нападение на Киевскую Русь (и в частности на Киев) весной, во время разлива рек, когда половцы обычно не производили набегов. Эта встреча кончилась печально для русских, и вместе с тем нанесла удар репутации князя Игоря¹.

Настоящим мы подвергли пересмотру события 1185 г. на основе нового подхода к анализу летописных данных в связи со «Словом о полку Игореве». На этом изучение не заканчивается: остается рассмотреть материалы, известные по «Истории России с древнейших времен» Татищева, который, как считают, располагал летописями, не дошедшими до нас. Такое рассмотрение надо произвести не только на материалах печатной «Истории» Татищева, но и на ее первоначальных рукописных текстах, конечно, более близких к источникам — летописям. Эта задача требует специальных изучений и поэтому мы ее выделяем как отдельную, стоящую перед нами на очереди.

¹ Занижение образа князя Игоря характерно для изучения «Слова» в последние тридцать лет, хотя оно и восходит к трактовке «Слова» В. А. Келтуялой: Ф. М. Головенченко. «Слово о полку Игореве». Уч. зап. Мос. гос. пед. инст. имени В. И. Ленина. Т. 82, в. 6, стр. 304 и сл.